Скорбный путь христиан г. Шахты. Свидетельство Н.Г. Батурина

Когда началось пробуждение и призыв Инициативной группы в 1961 году, в августе, наша Шахтинская община была к этому подготовлена. Уже имела самостоятельное служение, вне регистрации. Все, которые боялись, сидели по домам. То они придут на собрание, эти братья, Николай Игнатьевич Далматов и другие, и семья Кидиных в то время и чуть нас милиция погоняет, они уже дома сидят, уже боятся идти на собрание. Даже были такие моменты, что и из нашей среды, кто уже постоянно посещал собрание (боялись вновь приходить после разгонов). Трудно было, когда гонение начинается, хотя у нас и было постоянных 15 домов, где мы собирались поочередно. А иногда нужно назначать собрание, и нет желающих, никто не приглашает к себе. У нас был один такой приближённый брат, дедушка Иван Ананьевич Коломийцев, любящий справедливость. Он видит, что это несправедливо, разгоняют верующих, они же ничего худого не делают, никому не мешают, и в самый трудный момент он заявляет: "Если негде собраться, то приходите ко мне". И мы часто у Коломийцевых собирались в этом доме, пока дедушка был живой.

К 1961 году у нас уже сложилась община, был у нас дьякон, который мог совершать преломление (хлеба), и даже крещение одно было, небольшое, две души (крестились). А к 1962 году мы подошли уже к тому, чтобы избрать своих служителей. Братья нам подсказали, что братьев у нас достаточно, нужно сделать членское собрание и избрать кандидатов на рукоположение. И когда на членском собрании с постом мы совершали это избрание, то выдвинули кандидатов и набралось примерно семь человек братьев, в том числе Николай Игнатьевич Далматов, Василий Дмитриевич Живнирук. И потом моя была кандидатура, а так же Иван Акимовича и Василия

Ивановича. И, когда кандидаты были назначены, было предложено провести тайное голосование по всем им. И кто наберёт наибольшее число голосов, того и избрать на пресвитерское служение. А остальные братья, уже так Церковь решила, избирались на дьяконское служение. И получилось, что в пределах сотни, девяносто с чем-то, кто больше, кто меньше, и первая тройка кандидатов была Далматов, Живнирук и я. Наибольшее число голосов на мою долю выпало. Но решили рукополагать всех троих на пресвитерское служение. Василий Дмитриевич уже был дьяконом, с расчётом того, что назревают гонения, кто-то из нас пойдёт в узы, а кто-то останется, и чтобы Церковь не осталась без служителей. Поэтому сразу троих решили избрать. Но после, Николай Игнатьевич встает перед Церковью и делает отвод своей кандидатуры, несмотря на то, что он в числе троих набравших наибольшее число голосов. Его уважали как проповедника в то время, и он перед Церковью отказывается от служения. И тогда Церковь решила, что достаточно двоих братьев для Шахт рукоположить, а остальных на дьяконское служение.

Пригласили брата из Оргкомитета, был такой из старых братьев, из служителей 20-х годов, из благовестников Волго-Камского Союза Баптистов он жил в Челябинске, Шалашов Александр Афанасьевич. Его мы пригласили, он приехал в Шахтинскую Церковь, и все наши братья-служители были рукоположены. Это примерно в июне 1962 года совершилось. Были рукоположены мы с Василием Дмитриевичем и ещё для двух соседних общин Степан Андреевич Ситковский и Борис Николаевич Меркулов, и остальные наши братья Иван Акимович, Пётр Васильевич, Василий Иванович Перегиреев и брат Наполеон Маркарович. А Андрюшин, где-то раньше был рукоположен на Кавказе, в Апшеронске он был рукоположен и уже нёс пресвитерское служение. И даже среди гонений он некоторое время нёс служение в Шахтах, когда мы были в узах. А потом тоже, к сожалению, отказался. Это уже в 1976 было, я вернулся из уз тогда и он уже отказался. Даже от проповедей отказался, это тоже печальный факт.
Молодёжи у нас в то время было ещё очень мало, но наши дети, наш Ваня, Женя ещё были малышами, и у всех, соответственно, в каждой семье все дети были ещё маленькие, ходили с нами на собрания, как и Серёжа, и многие другие.

Немножко я возвращусь назад, уж коли о детях вспомнил. В регистрированной общине дети некоторых братьев и сестёр из семьи Олейниковых, и Анны Марковны сын, вместе с Олейниковыми, старшими ребятами. Они ещё были подростками. Потом (*фамилия неразборчиво и скорее всего Кихлинские*) у них мальчик тоже, и так мы все радовались, что такие подростки ходят на собрание. Потом, когда закрыли у нас Молитвенный дом, и вот эти Олейниковы, Анны Марковны сын, как-то отстали и не стали посещать собрания. А на примере этих Кихлинских я хотел обратить ваше внимание, чтобы немножко понятно было, какая тогда обстановка (была). Перед тем, как у нас закрыли Молитвенный дом, уже давались от ВСЕХБ указания, чтобы детей вообще не пускать на собрания. И даже был такой случай у нас в Шахтах, Семён Павлович обычно сидел за кафедрой, так что его сразу не увидишь, если входишь в Дом молитвы. И однажды пришёл уполномоченный в собрание наше. И как-то неожиданно он пришёл даже, видимо, Семён Павлович не знал об этом. А детки недалеко от кафедры сидят. А Семен Павлович выглянул из-за кафедры, увидел уполномоченного, и первый его возглас был: "Не пускайте детей!" Это чтоб уполномоченный слышал, что он не хочет пускать детей. Его потом пригласили (на беседу в комитет), не помню, говорил он что или нет. Вот этот возглас, "Не пускайте детей"!

Была установка от ВСЕХБ, чтобы детей не пускать. Брата Кихлинских и по работе преследовали. Мы так сожалели, он хороший бас, как и Николай Степанович, они были ведущие басы у нас в хоре, так что держали весь хор. И так мы сожалели, что они выехали в Никитовку или в Горловку. И там они опять попали в зарегистрированную общину, как раз в тот период, когда детям доступ в собрание был закрыт. И там, тот уже пресвитер им объявил на собрании, чтобы родители со своими детьми не приходили. А их сынок, Лёня, он самый ревностный из подростков был, так внимательно всегда слушал Слово Божие, и так мы все радовались за этого мальчика. А он один у них в семье, один ребенок. Приходят родители с собрания и говорят: "Лёня! Ты уж не обижайся, но вот мы не будем тебя брать в собрание, потому что там нам запрещают". И он, когда выслушал прямо заявил своим родителям: "Папа и мама! Вы ответите перед Господом за мою душу!" И до сих пор он в мире (и в тюрьме побывал даже). Выходит сами родители погубили своё дитя.

Когда у нас уже община организовалась окончательно, отделённая, я хочу особенно подчеркнуть, что мы не разделяли общину. Нас выгнали из Молитвенного дома. Мы нуждаемся иметь общение, иметь служение Господу и стали собираться по домам. Это всё так естественно произошло. Это наша духовная потребность, это наше право и перед людьми, и перед Богом. А всех остальных мы постоянно звали, приглашали на наши собрания. Рассчитывали, что и они в свои дома будут в свою очередь (Церковь собирать). Но видя их такую немощь в вере, не обязывали, чтобы в свои дома они нас приглашали. У нас уже утвердился круг сестёр и братьев, которые посвятили свои дома для Господа. Потому что у нас и очищение проходило, и посвящение, не только самих себя, но и домов наших, и всё, что нам Господь даровал, чтобы всё посвятить на служение Господу. Мы никого не разделяли, ни от кого не отделялись. Наоборот, мы всех звали, чтобы быть вместе, служить Господу и идти только за Господом и стоять в свободе, которую даровал нам Христос.

Первый суд над верующими в Шахтах

В то время у нас деток очень мало было на собрании. И пришлось мне нести пресвитерское служение всего здесь полгода. До декабря 1962 года, после рукоположения. На работе так сложились обстоятельства, что мне пришлось уволиться с того места, где мы с Николаем Андреевичем работали. Потому что укрупняли эти торговые организации райпотребсоюз, межрайбазы объединялись. Я был там механиком и эта должность ненужная оказалась. Мне посоветовал начальник: "Если есть возможность, ищи себе работу". Я пытался найти работу, получился у меня такой, своего рода, отпуск. Полтора месяца я не работал. Уже год прошёл от пробуждения нашего братства. И после рукоположения меня избрали в Оргкомитет. И с годовым отчётом Оргкомитета мне пришлось поехать в течение этого отпуска на Сибирское совещание в Новосибирск. Там я впервые познакомился с братьями-сибиряками, Дмитрием Васильевичем, Павлом Фроловичем Захаровым и с многими другими. Это совещание было на 7 ноября. После этого совещания я поехал, об этом утром немножко упоминал, посетить братьев ссыльных в село Кежма, Красноярского края, это на берегу Ангары. Там находились брат Павел Афанасьевич Якименков и брат Лёня Овчинников из Курска. И ещё подъехали к тому времени два брата Иван Иванович из Курской области и Пётр Васильевич Румачик, он находился на ссылке в Богучанске. Там я имел общение с этими братьями ссыльными.
После того как я вернулся домой и пошёл снова устраиваться на работу, прошло полтора месяца. А перед этим был суд в октябре. Человек 30, нас из членов Церкви, из молодёжи, стали вызывать

в прокуратуру и требовать каких-то непонятных для нас показаний: "Где вы собираетесь? Кто у вас инициатор этого? Кто у вас руководящий? Кто у вас проповедуют?" Мы отвечали, что это внутрицерковные вопросы, на них мы отвечать не будем. Так они перебрали человек 30 и никто не дал никаких показаний. Из этих 30 человек они отбирают семерых и оформляют дело в суд. По статье "за отказ от дачи показаний", когда свидетели вызывают на суд, им дают такую подписку, что должен говорить только правду на суде, а если откажешься, привлекаешься по статье Уголовного кодекса, который гласит "до шести месяцев лишения свободы или штраф". И всех нас семерых по этой статье привлекли. Но когда вызвали в суд, то суд этот не состоялся. Меня одного пригласили, там женщина была судья, побеседовала со мной и оформляет меня уже по новой статье, по 142-й, как руководящего, а всех остальных "за отказ от дачи показаний". Там были Пётр Константинович, Иван Иванович Попов, сестра Клава, Дуся Демьянова и тётя Наташа, семь человек нас судили. Дали нам двух адвокатов, мы от них отказывались, но суд всё равно настоял, чтобы они участвовали. И один из этих адвокатов выступил в нашу защиту: "Я не вижу здесь никакого преступления, они порядок не нарушают, ничего преступного не делают". И пытался нас защитить, но это не помогло. И нас всех приговорили. Меня к **одному году** исправительно-трудовых работ (ИТР) с вычетом из зарплаты 20 процентов, а всех остальных братьев к 6 месяцам ИТР, а сестёр, кто не работал, к штрафу приговорили. Это был первый суд в Шахтах.

Второй суд над Николаем Георгиевичем

И вот после того, как мне присудили этот год, я должен работать, и с меня должны высчитывать 20%. А у меня сложились обстоятельства так, что я с одной работы уволился, а на другую ещё не поступил. Поехал в Сибирь ещё (на совещание), а это стало известно, и не успел вернуться я из этой поездки, была прислана повестка явиться в суд. Я в суде объяснил, что временно не работаю, но намереваюсь на днях поступить на работу, и как раз пошёл снова в проектную контору, где меня когда-то по сокращению штата уволили. Там пытался поступить на работу, но во время поступления там меня схватили в КПЗ (камера предварительного заключения). Одну ночь я переночевал, на другой день прямо в суд, вот здесь на Соцгородке. Родным никому не сообщили об этом суде. В пустом зале милиционер присутствовал, который меня караулил, и секретарь суда, и судья. Приговорили **к пяти годам высылки в Иркутскую область**. Ещё даже не кончилась моя ссылка, я там всего два года три месяца пробыл на этой ссылке. И ещё в отпуск приезжал, когда я уезжал на ссылку, деток, уже говорил об этом, очень мало было у нас в собрании. А когда я в отпуск приехал, это года через два. А меня, когда арестовывал милиционер, то несколько раз ударил в лицо кулаком, и с такой злобой, говорит: "Будешь знать, как детей водить на собрание". Что как будто бы от меня это зависит, что дети ходят на собрание. А я пробыл два года с лишним на ссылке, приезжаю, а тут уже детский хор, уже детский оркестр в Шахтах. Думаю: "Слава Господу, что не напрасно я там побыл, и без меня тут дело Божие идёт, дети подрастают и Господу начинают служить". Это такая радость была.

Третий суд над Николаем Георгиевичем

Потом, когда наша делегация в Москве ходатайствовала в 1966 году, **на три года меня осудили**. Через три года я приезжаю, а тут уже молодёжный хор. Не детский, а уже молодёжный хор у нас. Чего никогда Шахты не знали. Чтобы в Шахтах был молодёжный хор, да это никому и

во сне не снилось. В эти три года, когда я отбывал после того, как осудили в Москве, из нашей общины почти все служители были в узах, кроме одного брата, Петра Васильевича. Он у нас как дьякон нёс служение, и ему пришлось заменить пресвитеров. Были одновременно 10 человек из нашей общины в узах. Алексея Ивановича судили где-то на Кавказе с Костей Бондарем, а остальных наших братьев и сестёр здесь судили. Были осуждены, кроме меня, Иван Иванович Андрюшин, брат Наполеон Маркарович, Василий Иванович, Иван Акимович, Иван Федорович, Иван Иванович Попов за то, что свой дом предоставлял для собрания, другой вины у него не было. Семь братьев и три сестры. Мария Степановна, Галя Полий и Паша. Три сестры и семь братьев одновременно были в узах. А дело Божие всё равно продвигалось. Всех, кажется, всех братьев-служителей изолировали, а Церковь живёт, а Церковь растёт, молодёжь растёт. Дело Божие движется, потому что эти узы, как апостол Павел говорит: "...послужили к большему успеху благовествования". Живая Церковь всегда ободряется узами своих братьев и сестёр.
Ко мне постоянно приходит эта мысль: "Почему в Шахтинской Церкви не угасает духовная жизнь?" Хотя разные периоды бывали. Бывало и лучше и хуже, но жизнь духовная всё время хоть понемножку, да продвигается вперёд. Слава Господу! И не последняя из причин этого нашего успеха в духовной жизни то, что почти постоянно у нас кто-то в узах. Не успел я освободиться, вскоре Витя оказался узником из молодых братьев, с небольшими перерывами от Шахтинской Церкви, начиная с того периода, когда 10 человек были в узах, Господь меня вывел, а Василий Иванович продолжает эту эстафету нести там в узах.
В открытке мне присылали друзья, одно высказывание о лилии "*Посмотрите на лилию, как порывы ветра качают её, среди терновника она получает царапины, ссадины и сильно страдает от этого терновника, от этих ветров всех. Но если вам удастся приблизиться к ней, то она постоянно издаёт благоухания, неповторимый аромат страданий*". Так и в нашей духовной жизни Господь допускает эти страдания, чтобы с одной стороны не только семья узника, но и вся Церковь, которая молится, это же её духовно ободряет, приподнимает, она в этой скорбе обращается к Господу, то есть приближается, становится ближе к Господу. А чем мы ближе к Господу, тем больше духовной жизни у нас. И с другой стороны, сами узники так же молятся, как за всю Церковь, так и за свои семьи, чтобы Господь благословил, сохранил, укрепил в вере. И таким путём Господь ведёт нас.
Немножко из истории наше братство и наиболее близкой, понятной нам истории Шахтинской Церкви. Дополню ещё. Я из ссылки возвращался, из первых уз, из вторых уз, и вот уже из третьих, что заметил. В 1976 году, когда я приехал сюда, была у нас встреча, уже так много молодёжи собрали, уже нашим бабушкам, дедушкам и места нет. Они жмутся около стеночек, а тут молодёжь. Все стоят, и дети, и молодёжь. И даже в моё отсутствие появилось молодёжное собрание, молодёжное служение, всё полностью в Церкви. Разве это не чудо Божие, братья и сёстры? Стоит смиряться, стоит бороться, стоит за это жизнь всю отдать! Слава Господу!

Перевод в текстовый формат - источник файл MP3 - 02.Второй приговор 1962 - 1965 - Батурин Н.Г. - [27:53]

Комментарии
